

ра Исаака, его отца, сидящими на двух престолах рядом друг с другом; близ них восседала императрица, мачеха Алексея и сестра короля Венгрии, прекрасная и добрая дама. Они были окружены множеством высоких людей, и их свита походила на двор богатейшего властителя.

Посовещавшись с прочими послами, начал говорить Конон Бетюнский, муж весьма мудрый и краспоречивый: «Государь, мы пришли к тебе от имени баронов армии и дожа Венеции; ты знаешь, что они оказали тебе услуги, как то известно всякому и очевидно само по себе. Вы и ваш отец клялись им исполнить условия заключенного договора, как они изображены в грамотах. Вы не исполнили их, как то следовало бы вам. Они убеждали вас несколько раз, и мы теперь снова убеждаем в присутствии ваших баронов соблюсти договор, составленный между ними и вами. Если вы то исполните, все пойдет хорошо. Если же нет, то знайте, что с этого часа и на будущее время они не считают вас ни государем, ни другом, позабываются о себе как могут, а вас предуведомляют, что не причинят зла ни вам, ни кому другому, пока не получат ответа, и не прибегают ни к какой измене, ибо и на своей родине они не привыкли иначе поступать. Теперь вы слышали, что мы вам сказали: посоветуйтесь и поступите, как заблагорассудится вам». Греки были чрезвычайно изумлены и при виде такого оскорбления говорили, что еще никто и никогда не осмеливался огорчать таким образом константинопольского императора в собственных его покоях. Император Алексей и другие, бывшие с ними до тех пор в лучших отношениях, выразили послам свое неудовольствие. Во дворце поднялась большая тревога, и послы, вернувшись к воротам, сели на лошадей. Когда они выехали за ворота, не было ни одного из них, который не считал бы себя счастливым и не изумлялся своему избавлению от опасности: греки были близки к тому, чтобы схватить их и умертвить. Возвратившись в армию, они рассказали баронам о всем случившемся. Так началась война, и всякий вредил другому как мог и на сухом пути, и на море. Греки и франки схватывались несколько раз; но,

благодаря Богу, греки претерпевали всегда большую потерю, нежели франки. Война продолжалась долго, до глубокой зимы.

Затем автор подробно описывает стратегию греков, которые пустили брандеры, чтобы сжечь флот крестоносцев, но венецианцы успели искусно оттолкнуть их и заплатились всего одним купеческим кораблем из Пизы.

Пока все это происходило, греки, видя сокрушенный разрыв императора с франками, составили против него изменнический заговор. При дворе находилась грек, которого император любил более прочих и который именно рассорил его с франками. Имя его было Мурзуфл (Morchutlex). По совету с другими в полночь, когда император Алексей спал у себя, его собственная стража вместе с Мурзуфлом и его сообщниками схватила его в постели и бросила в темницу. Мурзуфл по совету других греков надел на себя пурпуровую обувь, принял титул императора и короновался в храме св. Софии. Но послушайте, была ли когда-нибудь и кем-нибудь совершаема столь ужасная измена! Когда император Исаак услышал, что его сын схвачен, а Мурзуфл коронован, им овладел такой страх, что он заболел и вскоре умер. Император же Мурзуфл два-три раза приказывал отравить сына, но Богу было не угодно, чтобы он умер: тогда он удавил его. Но Мурзуфл распростил слух, что он умер своей смертью, похоронил его с почестями, как императора, и притворился весьма опечаленным. Но убийство не могло укрыться: греки и французы узнали скоро, что было совершено убийство, как вы о том слышали. Тогда бароны армии и дожа Венеции собрались для совещания, на котором присутствовали епископы и все духовенство, и представители апостола (Папы): последние доказывали баронам и пилигримам, что тот, кто совершил такое убийство, не имеет права на власть, и те, которые согласятся на то, будут сочтены соучастниками преступления; сверх того, они отказываются от повиновения Риму. «Почему мы вам объявляем, – говорило духовенство, – что война правительна и справедлива, и если вы имете прямое намерение завоевать эту землю и подчинить ее Риму, то